

Соб. кувбуша, 1979, 17 июля

Сергей БОНДАРЧУК,
лауреат Ленинской премии,
народный артист СССР

От сердца к сердцу

В эти дни на ВДНХ СССР работает необычная и небывалая еще выставка — «60 лет советского кино». Выставка поистине грандиозная по размаху, по объему и, конечно же, по существу. Мне выпала честь возглавить ее весьма представительный художественный совет.

В общем, когда вот так, в совокупности, видишь, что сделано в нашем кинематографе за шесть десятилетий, впечатленье поистине огромное. Понимаешь, какой титанический труд был совершен поколениями мастеров советского кино, каким уникальным и по сей день живым творческим наследием мы владеем. И право же, когда нас, кинематографистов, называют верными помощниками партии в деле

коммунистического воспитания народа, говорится это не ради красного словца. Все взятое из жизни, одухотворенное личностью художника и перенесенное на экран уже в художественных образах, всякий раз возвращалось в жизнь, чтобы преобразовать, делать ее краше.

Взять хотя бы нашу киноклассику — ленты С. Эйзенштейна, А. Довженко, В. Пудовкина, Дзиги Вертова, братьев Васильевых, И. Савченко, а также многих других, кто плодотворно трудился на ниве кино и сегодня. Здесь что ни фильм, то своя биография. Вот, к примеру, «Броненосец Потемкин», «Мать» или «Арсенал». Кто и когда мог бы подчитать, какое влияние на судьбы революционеров раз-

ных стран оказали эти картины? Или как отразились на судьбах известных и неизвестных героев Великой Отечественной войны, вчерашних школьников, надевших солдатские шинели по первому зову Родины, такие фильмы, как «Чапаев», «Щорс», «Александр Невский», «Мы из Кронштадта», «Парень из нашего города» и многие другие? Это не поддается никакому учету. Воспитание человека в нашей стране в огромной степени зависит от киноискусства. Особенно, если речь идет о молодом поколении.

На настоящих фильмах, высококачественных и высокохудожественных, созданных неравнодушным талантом, контакт художника и зрителя возникает сразу же и непосредственно — от сердца к

сердцу. Живительная связь эта — если человек ее испытывает однажды — словно арнадинна нить, уже всю жизнь, от детских лет до преклонного возраста, властно влечет его в кинозалы, словно раздвигая природно ограниченные рамки его бытия и заставляя за свою жизнь переживать не одну, а сотни разных, непохожих жизней экранных героев, обогащая их чувствами и мыслями, их жизненным опытом. Не знаю, как для кого, но для меня очень дорого то внутреннее единение людей, которое возникает на сеансе, когда зал, как один человек, живет фильмом, волнуется или смеется, вздыхает или напряженно затихает, внимая экранной жизни.

(Окончание на 3-й стр.)

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Вот сразу вспомнился мне в связи с этим фестиваль-ный зал в далеком Лос-Анджелесе в США, где весной этого года я показывал свою картину «Степь». Казалось бы, какое дело американцам, живущим за тысячи миль на другом континенте, да и в другом времени, до русского мальчонки и разных простых и таких непростых людей. А зал затих. И тишина эта была мне дороже шумных аплодисментов. Фестиваль тот в Лос-Анджелесе необычный — без призов, без жюри. И после просмотра (такова традиция) зрители остаются на местах и «испытывают» режиссера всевозможными вопросами — о картине, о творчестве, взглядах постановщика на искусство.

Несмотря на добрую, как мне чувствовалось, тишину в зале, я все же волновался, выходя тогда на сцену. Придут ли «Степь» зрители, уже приученные коммерческим буржуазным кинематографом и «шоу-бизнесом» к фильмам ужасов, к развлекательным киноподелкам и «супербоевикам» о челюстях акулы или летающих тарелках? И вдруг оказалось, на этом-то самом фоне наш фильм выиграл — на тяге зрителей к естественному, реальному, глубоко человеческому, что вообще свойственно Чехову. Зал оказался созвучным чеховским настроениям, тоске «по лучшей жизни», пронизывающей его произведения. И был дальше хороший, глубокий разговор и о Чехове, и о нашей Родине, и о русской душе, и о мире... В общем, обо всем, о чем, собственно говоря, мы и снимали нашу картину. Такое не забывается!

Хочу, чтобы меня правильно поняли: речь, конечно, не о достоинствах нашего фильма. Наоборот, когда видишь, что было сделано в нашем кинематографе, какие шедевры снимали великие мастера, не располагая ни той техникой, ни возможностями, которые теперь есть даже у начинающих кинорежиссеров, то чувствуешь: в каком же ты еще неоплатном долгу и перед искусством, и перед теми, кто преданно любит кино.

Речь о другом — о принципе нашего искусства, способного объединить разных людей, способного передавать ток сердца художника, движения его души другому сердцу. И при этом помогать сближению народов. Принцип **неравнодушия**. Равнодушный зритель бывает только там, где на экране он видит произведения равнодушных художников. Хотя, если говорить точно, равнодушие и творчество — понятия взаимоисключающие. Зритель ведь легко улавливает, каковы ты, художник, по тому, есть ли у картины сердце.

Мы живем сейчас не только воспоминаниями. И сегодня у нас, в советском киноискусстве, есть немало достижений. И недаром так высок международный авторитет советских фильмов — они идут на экранах 115 стран мира. И недаром СССР — одна из самых кинематографических держав не только по числу выпускаемых фильмов. И каждый год не один-два, а добрый десяток советских фильмов отмечаются высшими знаками признания на всевозможных международных кинофорумах. И вот скоро, в августе, в Москву приедут на очередной Международный кинофестиваль, посвященный ныне 60-летию советского кино, прогрессивные кинематографисты мира. И будет серьезный разговор о судьбах мирового кино, о том, как влияет на него советское киноискусство...

Но именно все это и заставляет нас не только радоваться успехам, а всерьез и глубоко задумываться над не решенными еще задачами, проблемами советского кино. К этому нас обязывают и современность, задачи, которые ставит перед нами партия, и вся славная шестидесятилетняя история нашего искусства, великие традиции, созданные мастерами предшествующих поколений. И все-таки в потоке нашего кинопроизводства, к сожалению, есть ленты и слабые, и «серые». Почему? Вот это вопрос не простой. Тут многое, конечно, зависит от меры таланта, от его масштаба. Но не только.

Мне кажется, довольно остро стоит сегодня перед на-

шим кино проблема неуклонного повышения мастерства, овладения «тайнами» кинематографических профессий (естественно, не только режиссуры, но и всех других составляющих; кино — искусство коллективное, и слабость в каком-либо одном звене немедленно отражается на результате в целом).

Тут мне вспоминается пример, приведенный однажды Александром Петровичем Довженко: «...Гражданская война. На железнодорожный эшелон напала банда. Смертельно ранили машиниста. Поезд остановился. Кто поведет паровоз? Пошли по вагонам. Наконец объявился один, Петро: «Я введу паровоз». Залез в кабину, покрутил рычаги — и поезд пошел. Все быстрее, быстрее — впереди уклон... Крушение. Глянул Петро на все, почесал затылок и сказал: «Буду учиться на машиниста!»

Иные наши фильмы напоминают вот такое «умение» вести дело. Ну, крушений, может быть, и нет, а вот жертвой становится прежде всего зритель. А «машинист»? В общем-то, провалив фильм, он находит тысячу объяснений и причин, ищет виноватого «стрелочника». Ибо в кармане у него диплом, где черным по белому написано, что он уже режиссер. Но не будем забывать, что этому делу учатся всю жизнь. Каждый раз, берясь за новый фильм, даже опытный, маститый постановщик как бы вновь сдает экзамен на право называться таковым. Это как в спорте: на каждом соревновании надо подтверждать свою квалификацию, свое мастерство. И бывшие заслуги, популярность у зрителей, их любовь здесь совсем не гарантия, что тебя включат в сборную, что ты будешь защищать цвет нашего флага.

В искусстве — сложнее: а вдруг в следующий раз возьмет не удавшуюся с первой попытки высоту? И дают такому режиссеру снимать еще один фильм. И оказывается, что в искусстве «вдруг» не бывает. Или уж есть талант и умение, или их нет. Так бы и сказать человеку. Но вроде бы

неудобно: все-таки два фильма уже снял, чему-то, наверное, научился. А он и третий, и десятый потом снимет. И седина уже в висках. Тут уж совсем неудобно прямо сказать: не ту, мол, профессию избрал. К тому же и адвокаты у него найдутся — разве он снимает фильмы хуже иных? В tomto и дело, что говорят это, кивая на ему подобных же, а не на лучших. Вот где сердцевиной проблемы. Не потому ли так трудно изжить «серые» или «усредненные» фильмы?

А если взять за точку отсчета критерий подлинного искусства, того самого, которое принесло советскому кино мировую славу и авторитет? Ведь мы не просто наследники великих богатств и замечательных традиций, мы их продолжатели, мы должны их развивать, открывать новое. А новое и в жизни, и в искусстве развивается на основе плодотворных традиций прошлого и настоящего. Разрыв же между традициями и новаторством никогда ни к чему доброму не приводил.

Впрочем, добрых намерений, слов и заверений у нас произойдет достаточно. А вот как от этого перейти к делу, ответить фильмами, которых от нас ждут люди? Чтобы каждый раз, когда вспыхивает многоцветьем киноэкран, возникала живительная связь — от сердца к сердцу? Ответ этот видится мне прежде всего в славной шестидесятилетней истории нашего кино, в тех примерах самозабвенного служения искусству и народу, которые дали нам мастера старших поколений.

Некоторым нашим фильмам еще недостает горячей взволнованности, страстности, захватывающего зрителя сопереживания. Заниженная температура на экране, «сердечная недостаточность» режиссуры не рождает отклика в зрительном зале.

Конечно, кроме рассуждений об искусстве, надо уметь создавать это искусство. Созидание в нашей профессии слагается из простых истин. Это мировоззрение творца, знание жизни, людей и знание своей профессии.

Знать свою профессию — что это такое? Это умение точно выбрать сценарий. И отношение к будущему своему фильму, как, быть может, к последнему в твоей жизни, то есть требующему тебя всего, без остатка. Секрет нашей профессии как раз в том, что она не опускает художника в результате такой сжигающей самоотдачи, а, наоборот, обогащает.

Далее... В профессию нашу входит и умение собрать группу единомышленников, людей, взволнованных и заинтересованных в создании только такой картины.

Затем... Умение точно выбрать актеров. И умение работать с ними. Умение захватить весь съемочный коллектив своим видением будущего фильма. Наконец, умение снять его на уровне задуманного.

Мастерство и талант неразделимы в нашей профессии. Талант нельзя взрастить похвалами бесталанных произведений. В мастерстве — сила таланта. Даже самые крупные, оригинальные художники всю жизнь не переставали учиться, повышать свое мастерство.

Будем же совершенствовать наше искусство и одновременно учиться. Но позволено ли ли найденное другими (я имею в виду пусть и признанных мастеров, но рожденных далекими и чуждыми нам нравами, обычаями, традициями — одним словом, иной жизнью) выдавать в своих картинах за свое? Истинных открытий в кино сегодня так не сделаешь.

У нас есть своя прекрасная школа, бесценные университеты нашего советского киноискусства. Наши традиции здесь поистине неисчерпаемы. Вклад, который внесли мастера советского кино в мировой кинематограф, и по сей день имеет огромное идейно-эстетическое и идеологическое значение. И мы должны быть в этом достойными сынами, а не пасынками наших великих предтеч. Только так можно сказать свое, незаемное слово в кино. Только так можно рассказать всему миру о нашей жизни, о советском человеке, о его красоте.